

Как всё дошло до такого?

Он прекрасно понимал, что всё это было давно и тщательно спланировано, что за невинной внешностью скрываются далеко не чистые помыслы... но стоило ему взглянуть во влажные глаза своего маленького парня, вспомнить, что сегодня его день рождения, как сердце предательски смягчилось, и он во всём ему уступил.

Поистине...

Янь Чао прижал тыльную сторону ладони к губам, сдерживая рвущийся наружу тихий вздох. Прочистив горло, он произнёс голосом, утратившим свою обычную ясность и чистоту, ставшим немного вязким и хриплым:

— Ну, как там у тебя?

— Не торопись, ещё немного, — его глаза были завязаны, и он, конечно, не мог видеть лукавого и озорного блеска в глазах художника. Он слышал лишь привычный мягкий и ясный голос своего парня: — Братец... не напрягайся, расслабься, иначе это повлияет на результат.

Тот кончиком кисти легонько коснулся ямочки на его пояснице и, наблюдая, как тело под ним невольно вздрагивает от этого прикосновения, улыбнулся ещё шире, но тон сохранил послушный:

— Вот здесь, не напрягай... краска плохо ложится.

«...»

Янь Чао попытался выровнять дыхание, постепенно расслабляясь, но когда мягкая кисть, смоченная в прохладной краске, вновь скользнула по его позвоночнику, он снова непроизвольно напрягся.

Внезапно над его головой раздался тихий смешок.

«Похоже, спина братца очень чувствительна».

Голос звучал легко и радостно, словно его обладатель открыл для себя что-то новое и занимательное.

Чувствуя, как кисть снова и снова проходит по самому чувствительному месту, Янь Чао

глубоко вздохнул и наконец не выдержал:

— Что ты там вообще рисуешь?

— Этот фрагмент нужно покрыть в три слоя, если нанести всё сразу, будет некрасиво, — Сун Бай Сюй, держа в руках палитру и кисть, наклонился и поцеловал уголок его губ. — Братец, подожди ещё немного. Закончу с этой частью, потом только контур обвести останется.

Это «немного» растянулось ещё на полчаса.

Сун Бай Сюй с сожалением отложил кисть, глядя на его едва заметно подрагивающие лопатки.

Он и не подозревал, насколько прекрасен сейчас Янь Чао...

Отложив палитру и кисть, он выпрямился, разминая затёкшую спину. Его взгляд задержался на порозовевшей коже шеи и ключиц, а затем медленно проследовал вниз, скользя по узору, который он выводил больше двух часов.

Первым в глаза бросался густой синий цвет Кляйна, столкнувшийся с насыщенно-алым и кожей, белой, как свежеснеговый снег, рождая почти пронзительную красоту. Из этого контраста красного и синего складывались сложные древние руны, обвивавшие плечи Янь Чао — холодные и обжигающие, величественные и в то же время дьявольски соблазнительные.

Ниже растекался странный и глубокий тёмно-зелёный. Это был цвет жизни, но на коже он выглядел необъяснимо зловеще и пугающе. Тёмно-зелёные линии переплетались, образуя то ли колючие лозы, то ли цепи, что взбирались по его лопаткам.

А в тисках этих зелёных пут трепетала чёрная длиннохвостая бабочка с узором, напоминающим лицо призрака. Казалось, ещё мгновение — и лозы задушат её, обратив в питательный сок. Но её крылья, намеренно изображённые острыми и хищными, были расправлены в вызывающем жесте, готовые в любой миг разорвать оковы и взмыть в небо.

Бабочка покоилась на его левой лопатке, тогда как на правой была изображена луна глубокого синего цвета. В её палитре были лишь чистые синий и белый, переходящие друг в друга от тёмного к светлому, от насыщенного к прозрачному. И в этом мягком, сияющем белом свете парило едва заметное пёрышко.

...Невероятно красиво.

Он говорил о своём возлюбленном, послужившем ему холстом.

Сун Бай Сюй снова наклонился, и его лёгкие, мягкие поцелуи опустились сперва на лоб Янь

Чао, затем на кончик его носа и, наконец, на тонкие губы. Но его язык не стал проникать глубже, вместо этого он с почти благоговейной тщательностью очертил линию ключиц, спускаясь всё ниже.

Каждый раз, когда Янь Чао пытался пошевелиться, Сун Бай Сюй легонько стучал его по руке, напоминая:

— Братец, краска ещё не высохла. Не двигайся, а то всё смажется.

Его голос был невнятным и вязким, словно он держал во рту что-то мягкое и упругое.

Когда алую повязку наконец сняли с его глаз, верхняя часть тела Янь Чао была испещрена таким количеством следов, что на неё было больно смотреть.

Особенно горели те места, где прошлись его зубы.

Он уже перестал просить Сун Бай Сюя быть сдержаннее — всё равно не поможет.

Сун Бай Сюй коснулся кончиков его ресниц, прочистил горло и тихо прошептал:

— Братец... у тебя так покраснели уголки глаз.

— Я плакал, это нормально, — ответил Янь Чао таким спокойным тоном, словно говорил о погоде. Он легонько похлопал по спине лежавшего у него на коленях парня, давая понять, что пора вставать. — Я ведь должен посмотреть, что ты там нарисовал.

Прежде чем подняться, он провёл пальцами по ключице Сун Бай Сюя.

— ...Не до конца вытер.

— Неважно... я не брезгую, — беззаботно отмахнулся Сун Бай Сюй. — Братец, иди посмотри на рисунок. Надеюсь, тебе понравится.

...Что тут скажешь.

Янь Чао не считал себя ценителем искусства, но он видел, что два совершенно асимметричных рисунка на его плечах и спине были выполнены с невероятным изяществом. Причудливая, гротескная красота и холодная, ясная чистота — два разных стиля столкнулись, но не вызвали диссонанса, создавая странную, почти потустороннюю гармонию.

— Очень красиво, — Янь Чао долго не мог отвести взгляд. — А что означают те две строки... рун, сверху?

— Это письменность очень маленькой и малоизвестной древней цивилизации, — объяснил Сун Бай Сюй. — В переводе на наш язык это примерно означает: «Пусть жизнь твоя будет сопровождаться солнечным светом, будет яркой и благополучной, без бед и болезней».

— А эти два рисунка... это, можно сказать, одно из моих впечатлений о тебе, братец Янь, — Сун Бай Сюй коснулся луны на правом плече. — С луной... всё просто. Это воплощение всего прекрасного. Ты — моя незаменимая, самая драгоценная и чистая луна.

Дыхание Янь Чао на миг замерло.

— А вот с бабочкой слева... объяснение будет немного, эм, мистическим, — он поднял глаза на Янь Чао, заглядывая в два тёмных, чистых и глубоких омота. — Когда мы встретились в «Цинъюань Сюань» на том свидании вслепую, я впервые посмотрел тебе в глаза и почему-то сразу подумал о призрачной бабочке-хвостосце.

— Что касается лоз... идея пришла из одного моего сна, — Сун Бай Сюй пожал плечами. — Но я не помню, о чём он был.

Выслушав это, молодой господин-директор Янь погрузился в молчание.

«...»

Можно было лишь заключить, что мыслительный процесс художника действительно отличается от обычного человека.

— Братец.

Янь Чао всё ещё был в своих мыслях и лениво откликнулся:

— М-м?

— Давай продолжим, — Сун Бай Сюй открыл дверцу настенного шкафчика рядом с собой. — Здесь всё есть, очень удобно.

«...»

Янь Чао окинул взглядом ванную, затем опустил глаза.

— В первый раз, и ты хочешь здесь?

— Ага, — кивнул Сун Бай Сюй. — В зеркале будет полностью видно рисунок на спине братца... Я хочу именно так.

— Цитрус, клубника и зелёный чай, — пальцы Сун Бай Сюя скользнули по ряду флаконов, и он, слегка склонив голову, спросил без тени смущения или стеснения: — Какой вкус нравится братцу?

— Выбирай сам, — Янь Чао оперся о край раковины. Его торс был обнажён, а руки сложены на груди. Он небрежно наблюдал за ним. — Это ведь не для меня.

— Тогда цитрус.

Увидев, что Сун Бай Сюй взял только флакон, Янь Чао приподнял бровь.

— Ты кое-что забыл.

— Нет, — Сун Бай Сюй подбросил в руке флакончик с изображением апельсина. Он скинул тапочки и босиком сделал два шага вперёд. Его ступни были такими белыми, что почти растворялись на фоне чёрной плитки.

Он слегка запрокинул голову, и его зрачки, отражая яркий свет ванной, казались прозрачными и ясными.

— А можно без него? Говорят... так приятнее.

Эти слова были слишком прямыми. Янь Чао невольно сжал пальцы.

Он слегка поджал губы.

Можно-то можно.

— ...Тебе будет плохо, — Янь Чао поднял руку и убрал упавшую ему на щеку прядь волос за ухо. Прохладные, влажные кончики пальцев случайно коснулись ушной раковины, отчего Сун Бай Сюй едва заметно вздрогнул. — Завтра, скорее всего, проснёшься с температурой.

— Ничего, мне всё равно, — он приподнялся на цыпочки и неуверенно поцеловал его. Поцелуй становился всё глубже, и в короткий миг, когда их губы разомкнулись, Сун Бай Сюй прошептал: — Пойдём туда?

Он указал на ванну.

В тот миг, когда его поясница коснулась внутренней стенки ванны, Янь Чао не смог сдержать тихого шипения.

Холодно.

Он обхватил Сун Бай Сюя за талию, собираясь поменяться с ним местами, но его руку мягко остановили. Сун Бай Сюй уселся на него сверху и, склонив голову, произнёс:

— Братец, я хочу быть сверху.

Увидев, как Янь Чао слегка прищурился, Сун Бай Сюй понял, что его слова можно истолковать неверно, и поспешил добавить:

— То есть, физически сверху, а не в доминирующей роли.

— Я хочу видеть лицо братца, когда мы будем это делать.

Он хотел без остатка впитать в себя все проявления страсти на лице любимого человека.

— Я же говорил... — недосказанная фраза утонула в поцелуе. Влажное сплетение языков, покусывания, и сквозь это — невольно срывающийся тихий, протяжный вздох.

Мгновение спустя Сун Бай Сюй отстранился, оперся о плечо Янь Чао и жадно глотнул воздух.

— Братец, — хрипло позвал он, проводя кончиками пальцев по его влажным от пара ресницам. Его кадык дёрнулся, и он тихо, томно простонал: — Ты ведь должен похвалить меня за успехи?

— Можешь считать себя выпускником, — маленький учитель Янь прочистил горло. Уголки его глаз покраснели, а в тёмных, ясных зрачках плескалась влага, словно чёрные агаты подёрнулись дымкой. Он посмотрел на Сун Бай Сюя с лёгким бессилием. — Может, отдохнёшь немного...

— Я так устал, — Сун Бай Сюй решил расслабиться и опустился ниже. Услышав невольный глухой стон маленького учителя Яня, он не смог сдержать самодовольной улыбки и, взяв руку Янь Чао, прижал её к своему животу.

— Братец, — от аномального жара Сун Бай Сюй удовлетворённо прикрыл глаза. Он прижался к лицу любимого, словно зверёк, и прошептал ему на ухо: — Чувствуешь?

Из ванной они вышли лишь час спустя.

Честно говоря, молодой господин-директор Янь чувствовал, будто его тело вот-вот разбухнет от воды.

— Нигде не болит? — Янь Чао приложил тыльную сторону ладони ко лбу Сун Бай Сюя. — Жара пока нет.

— Нет, — Сун Бай Сюй свернулся в одеяле, высунув наружу только голову, и тихо простонал: — Поясница болит.

Ещё бы ей не болеть, ведь двигался в основном он.

Янь Чао легонько щёлкнул его по лбу.

— Если выносливости не хватает, не стоило и браться.

— Вернусь — начну тренироваться, — зевнул Сун Бай Сюй. — Сделаю упор на мышцы кора.

Неужели ради этого нужно начинать тренироваться?

Что ж, весьма самоотверженно.

Янь Чао не понимал, но уважал его решение.

Он потянул воротник рубашки, давая остыть всё ещё горевшей груди, и спросил:

— Пить будешь?

— Нет, не хочу ночью в туалет вставать, — Сун Бай Сюй был уже на грани сна. Он снова зевнул и похлопал по месту рядом с собой. — Братец, ложись спать.

Едва Янь Чао лёг, как его маленький парень тут же прилип к нему, словно горячий и липкий ирис, обвив руками и ногами, и издал довольный вздох. Вскоре рядом раздалось ровное, глубокое дыхание спящего.

Янь Чао невольно взъерошил его волосы.

Только что был таким неутомимым, а теперь — сама кротость.

В эту ночь Сун Бай Сюй спал очень крепко. Под утро, когда небо только начало светлеть, ему приснился сон.

Станный, но до жути реальный.

Начался он со слепящего, обжигающего красного света. Затем свет померк, сменившись вязким, густым багрянцем, что залил всё вокруг.

Когда багрянец отступил, мир, казалось, тоже утратил краски, оставив лишь монохромную палитру чёрного, белого и серого. Все его чувства словно накрыло звуконепроницаемым колпаком: он не слышал ни звука и не мог издать ни единого. Осталось только зрение.

Поначалу всё было размытым, лишь крупные чёрно-белые пятна. Но потом, словно близорукий человек надел очки, зрение резко прояснилось.

Сун Бай Сюй понял, что находится в квартире на верхнем этаже небоскрёба.

Он стоял у панорамного окна. За стеклом простирались плотно стоящие, сияющие огнями коммерческие здания, а дальше виднелась река Шаньбэй с мерцающими на ней огнями кораблей.

Это... верхний этаж башни «Цзиньюань»?

Башня «Цзиньюань» была штаб-квартирой корпорации «Сун».

Не успел он задуматься, почему он здесь, как его взгляд упал на человека на диване, и зрачки Сун Бай Сюя сузились.

Янь Чао, свернувшись калачиком, спал на диване. Даже укрытый пледом, он выглядел донельзя худым и хрупким. В чёрно-белом мире сна его лицо было настолько бледным, что казалось почти прозрачным.

Словно кончик крыла белой бабочки, готовый рассыпаться от одного прикосновения.

Его волосы были длиннее, чем сейчас, и мягко рассыпались по подушке. Несколько прядей

прилипли к щеке и, спустившись по шее, затерялись во впадинке ключицы.

Спал он беспокойно. Ресницы время от времени подрагивали, будто он вот-вот проснётся. Но даже когда сон становился глубже, его брови оставались сведены, словно и во сне его не покидали тревоги.

Сун Бай Сюй опустился на колени у дивана, желая разгладить морщинку на лбу любимого, но его рука прошла прямо сквозь лицо Янь Чао.

Это...

Жуткая догадка пронзила его, но он не успел её осмыслить, как его внимание привлёк предмет рядом.

Медицинская стойка для капельницы.

В этот момент Янь Чао пошевелил правой рукой, плед соскользнул ниже, и Сун Бай Сюй увидел, что в тыльную сторону его ладони вставлена игла для внутривенных вливаний.

Как можно так спать с капельницей? Не боится, что что-то случится?

И ещё... он посмотрел на его запястье, выглядывавшее из-под рукава. Тонкое, до невозможного худое.

Братец... как он довёл себя до такого?

Внезапно Янь Чао открыл глаза.

Их взгляды встретились, и Сун Бай Сюй вздрогнул от неожиданности.

Янь Чао сильно изменился, и его взгляд тоже.

В нём не было обычной после сна ленивой неги или лёгкой растерянности. Его чёрные зрачки были настолько ясны, словно он и не спал вовсе. Взгляд был холодным и спокойным, но это было не привычное отстранённое спокойствие, а тишина застойного омута, в котором давно умерла всякая жизнь.

Сун Бай Сюй почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Ему показалось, что он смотрит не на Янь Чао, а на пустую оболочку с его именем.

Душу «Янь Чао» словно почти полностью вытянули, оставив лишь слабый, угасающий огонёк, запечатанный в этом теле, чтобы поддерживать в нём едва теплящуюся жизнь.

Каждое его движение было похоже на движение марионетки, дёргаемой за ниточки.

Сун Бай Сюй увидел, как эти неживые, холодные чёрные глаза медленно повернулись. Губы его приоткрылись, и в следующую секунду он отчётливо услышал голос Янь Чао:

— Пришёл?

<http://bllate.org/book/16124/1590279>